

*Памяти моего отца
Николая Владимировича Димчевского
посвящается...*

Николай Димчевский

Николай Димчевский

Сон о птице

Сборник стихов

Санкт-Петербург
2020

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Д 67

Николай Димчевский

Д 67 Сон о птице (сборник стихов). – СПб.: Фонд имени
Н. В. Димчевского, 2020. – 154 с.

«Сон о птице» – сборник стихов Н. В. Димчевского, состоит из четырех разделов: «Ковчег», «Влюбленность», «Святыни», «Листья» (1996). Продолжают сборник стихи из книги «Начало перед концом», написанные в XXI веке, завершают сборник «Стихи военных лет» – юношеская поэзия автора.

Искренние откровения поэта о жизни и любви, о родине, ее людях и необычайной природе покоряют образностью мышления, точностью и своеобразием рифмы. И как удивительно: в разделе «Святыни» всего два стихотворения о самых важных для человека понятиях – «Изба» и «Собор».

ISBN 978-5-94437-527-8

© Бабаева Е. Н., 2020

Об авторе

«Я отыскал, чего хотел. Я рад...» – торжествует какой-то своей, одному ему ведомой, удаче в сборнике «Сон о птице» русский поэт и писатель Николай Владимирович Димчевский (1926–2002).

Друзья называли его неразгаданным писателем XX века и лирическим философом, а он прежде всего был гражданином и патриотом своей страны. Талант его действительно был неиссякаемым, настоящий самородок необычайного дара: поэт, прозаик, переводчик, журналист, фотохудожник, резчик по дереву. Основным делом своей жизни сам считал литературную деятельность.

Он окончил философский факультет МГУ в 1948-м, а любовь к мудрости реализовалась у него совсем по-другому. Автор 8 сборников стихов, 6 книг прозы и переводов с английского.

Трепетно сохраняет творческое наследие отца его дочь Екатерина Бабаева. Она создала фонд его имени и выполняет еще одну важную для себя задачу – поддержка талантливой творческой молодежи. Посвящение *Kame* в стихотворении «Был дом как елочный фонарь...», которое открывает этот сборник, адресовано именно ей, любимой дочери и единомышленнику, вместе они перевели с английского книгу «Три корвета» Николаса Монсаррата.

Н. В. Димчевский как поэт был принят в Союз писателей. При этом работал редактором на телевидении, литсотрудником в «Новом времени», в Совинформбюро, в журнале на польском языке «Край рад», в газете «Советская Россия». Последние 25 лет работал в книжном издательстве «Советская Россия», 15 лет из них – заместителем главного редактора.

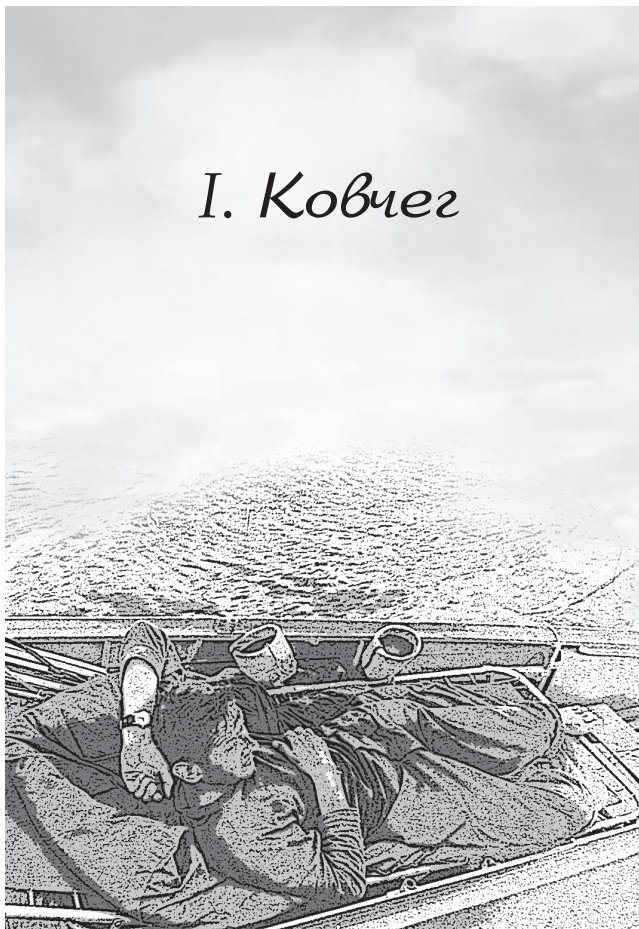
По журналистским заданиям много ездил по стране, но своими особыми маршрутами: ходил на тральщиках в Баренцевом море, на танкере по Лене, с пограничным кораблем от Сахалина до Чукотки, кочевал с оленеводами Полярного Урала. Он был воспитан своим временем, эпохой и писал о том, что восхищало и покоряло его самого, искренне и правдиво, с радостью от совершенного открытия. Писал стихи с натуры, как этюды.

Первые публикации появляются в 1959-м – сразу в «Новом мире» у Александра Твардовского и «Литературной газете»: «...тогда заведовал поэзией молодой человек в штучном пиджачке и с грандиозной, будто папаха шеvelюрой, – вспоминал Николай Владимирович, – сначала в память запала только его внешность, а непривычная для слуха фамилия запомнилась потом – Окуджава». Его стихи положительно оценивали известные поэты того времени: В. Луговской, Е. Винокуров, Л. Мартынов и др. И все же первая книга стихов «Прорубь» выйдет только в 1968-м.

Он не был новатором в поэзии по форме стиха, не принадлежал ни к какой литературной школе... и выбрал свой путь. Поэзия его полна ярких образов и красок, в ней все живет, все дышит. Димчевский говорит вроде бы о простых вещах, но простота эта часто гениальна. Вот как он завершает стихотворение «Вывод»:

Был сделан вывод
самый ценный:
вся жизнь – вполне достойный срок,
чтоб выудить из вод вселенной
две дюжины удачных строк.

І. Ковчез

* * *

Kame

Был дом, как елочный фонарь,
светился золотом сусальным.
И тек расплавленный янтарь
из окон в снег, из снега в тайну.
А тайна затаилась в том,
что этот елочный светильник
своим надтреснутым стеклом
сто лет светил в житейской стыни.
Ломались дни и времена,
раскалывались государства...
А дом и свет, и тишина
дарили людям вечный дар свой.
И крыша в позолоте мха,
и стены в вязи древоточцев
скорлупкойплыли сквозь века,
сквозь бури праха и пророчеств.
И те, кто бури затевал,
чьи руки вал судеб вращали,
пройдя через девятый вал,
к скорлупке дома возвращались.
Металась жизнь и вниз, и вверх,
Но все круженья и стремленья
не доставали до застрех,
до печки, где цвели поленья.
Не чудо ль это? Дом повис
на тонких нитях снегопада...
Разбилось Время о карниз,
и перья кружатся по саду.

1968

НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ НИТЬ

Вот и пришел к последней грани,
где небо приросло к земле.
Все знаю, что судьба сварганит,
клонясь к хвалу, кренясь к хуле.
Уж нет ни в чем томящей тайны...
Так жизнь благоволит ко мне:
крапленой картою игральной
зажаты годы в пятерне.
И, как механика простая,
как стих, что пет и перепет,
нехитрой цепью провисает
сцепление людей и лет.
И примитивность отношений
так очевидна и плоска,
что страха нет – сгореть в геенне
из-за житейского куска.
О сколько разностей сплелось!
Но все сплетенья
видит глаз;
и все пружины, все колеса
бесстыдно лезут напоказ.
И в этой оргии печальной
так жаждет сердце
сохранить
хотя б одной томящей тайны
непредсказуемую нить...

1978

КТО ОН?

Что за старик
там в зеркале проплыл?
Знакомая фигура и одежда,
знакомый взмах
неповторимых крыл,
и лиру
он в руках сжимает нежно.
Ветха рубашка – сечься начала.
И шевелюра сильно поредела.
Но виден нимб
вокруг его чела,
и взор
нацелен в горние пределы.
Вы говорите, знаете его?
Не надо, бросьте, не несите чушь-то!
Я тоже вижу – глаз мой ого-го!..
Похож? Возможно.
Кто же он?
Неужто...

1986

* * *

Все шатко – судьба до сих пор не окрепла.
Непрочен мой дом,
ненадежны затворы.
И стены – из ветра,
и крыша – из пепла,
и вороны в окнах,
а может быть – воры.
В осенней юдоли, где палые листья,
все ниже,
скуднее
днюю и ночью.
Нигде не изведав далекую высь,
я
давно уж
низины печальные чую.
Мятусь по оврагам,
по слякотной сыри.
Неласков мой путь, и огонь мой не светел.
Кого бы спросить,
может, издавна в мире
нет крова, прочнее,
чем ветер
и пепел?..

1974

ПОСЛЕДНЯЯ РАДОСТЬ

Задышала душа –
вдруг в отдушину
чуть дохнуло давнишней весной.
Как отраден ей, полузадушенной,
тот намек на весенний настой...
Это все, что для радости надо нам:
лишь несчастья слегка приглуши.
Взгляд нежданный
с улыбкой негаданной –
вот и праздник для бедной души.
Вы ее не жалеите, а жалуйте,
проливайте бальзам и елей,
потакайте, потворствуйте, балуйте,
помогайте, пекитесь о ней.
Режьте прорезь в судьбе и во времени,
чтоб душа надышалась сполна.
Ей последние годы отмерены
и последняя радость дана.

1986

ЗАПОЗДАЛОЕ СООБРАЖЕНИЕ

Все вдруг взялось,
не ожидалось...
И вот теперь не побороть
и эти старческие руки,
и эту немощную плоть...
А было можно –
ловким ходом
на шахматном коне
вильнуть
и выбрать путь иной сквозь время –
для старости невластный путь.
Найти в глубинах
скрытый выпорх
за грань, где время – лишь фантом,
где совместились
вход и выход,
башка коня
с его хвостом.

1994

* * *

Где только можно опоздать,
я опоздал вполне.
Где только можно проиграть,
я проиграл вдвойне.
Бывал частенько в дураках,
виновным без вины.
Взамен удачи – прах и крах
мне были суждены.
На дело, что иным – пустяк
я тратил уйму сил...
Но никогда, нигде, никак
завистником не слыл.
И оставался не у дел,
и падал в грязь лицом...
Но никогда, никак, нигде
я не был подлецом.
Не лез, не рвался, не кричал...
И вот однажды мне подумалось:
я проиграл,
но выиграл вдвойне.

1984

ЗНАЮ ВАС, НЕВЕДОМЫХ...

Актеры бесталанные затерянных театров,
ненужные писатели мелькнувших где-то книг,
безликие художники с непризнанных монмартров,
судьбою неприкаянной я к вам давно приник.
Пью ваше мутное вино,
и на душе так мутно.
Всех знаю вас, неведомых,
хоть вижу первый раз.
Мои пути,
как ни крути,
кончаются беспутно
не далеко от тех концов, что ожидают вас.

1978

* * *

Я вылетел в трубу,
хотя уже прошел
огонь
и океан,
и медные горнила.
Бывало плохо мне,
случалось хорошо...
Но все это теперь
лишь было, было, было...
Когда летишь в трубу,
тогда и боль, и бред,
любой недуг и стон,
отрадны, как спасенье.
Ведь нет в трубе ни слез, ни горечи, ни бед –
в ней сумрачно гудит
жестокое забвенье.
Я вылетел в трубу,
проститься не успев,
не разобравши лиц,
не разглядевши мира.
Хотя бы всхлип один,
хотя б один напев
мне унести с собой,
чтоб не было так сиро.

1975

* * *

Беседую с другом сквозь толщу времен.
Беседую с другом, а толща все толще.
Как будто в «испорченный телефон»
играем, и сердце испуганно ропщет.
И облик, и голос – конечно ж, его!
И эти повадки так мило знакомы...
И все ж, будто с дальних чужих берегов
справляемся, где мы и как мы, и кто мы...
О, с кем говорю я сквозь толщу времен?
Осталось ли то, что нас вместе вязало?
Зачем догоняю последний вагон,
мелькнувший лет тридцать назад у вокзала?

1975

* * *

Наивны были мы и пылки,
хотя и знали, что у всех
в железной жуткой молотилке
зерно души летит в отсев,
что только плевелам с половой
дано плодиться и расти,
а заповедной речи Слово
не знает легкого пути.
И все ж, доверясь Далю, в дали
мы шли как верные послы,
и плевелы не принимали,
поклон полове не несли.

1980

ТАБЛЕТКИ РАВНОДУШЬЯ

Подавленный растрепанностью душ, я
хочу спасти покой своей души –
аптечные таблетки равнодушья
душе приобретаю за гроши.
Смятение склок и мой несносный норов –
все в прошлом, жизнь теперь легка –
смирять вмиг разноголосье споров
глотательным движеньем кадыка.
Сбиваю спесь, расправился с печалью –
мне все ограничения по плечу.
Дурной погоды я не замечаю,
но и хорошей больше не хочу.
Снижаю ниже нижнего предела
давление крови, духа и страстей.
Толпа недоброхотов поредела...
Но почему ж редет горсть друзей?..
А впрочем... Наплевать... Они на кой мне?..
Там чей-то гроб... Вы говорите, мой?
Закройте крышку – так лежать спокойней...
Не знал,
что без таблеток есть покой.

1983

ВЫВОД

Герману Крупину

Я добывал стихи из жизни,
выуживал из вод времен.
Столетия
сердце мне изгрызли.
Мгновеньем
лоб изборожден.
Бросал я сети наудачу,
и мало попадалось мне.
Удачей жизнь не обозначу,
но что-то
удалось вполне.
Был сделан вывод
самый ценный:
вся жизнь – вполне достойный срок,
чтоб выудить из вод вселенной
две дюжины удачных строк.

1986

ДУША

Сломался некий инструмент
с названием Душа...
Взамен подбор магнитных лент
заправить мне спешат...
Играет в шашки и поет чудесный агрегат,
ведет учет, расчет и счет доходов и затрат,
шинкует свеклу он к борщу и пишет без чернил...
А я все мастера ищу,
чтоб Душу починил.

1980

ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ

В косом оконце,
там, где вывеска «Прием утильсырья»,
где по стене – и плесень, и мокрицы,
на пыльной вате в покоробленной слюде
лежит потертое
перо Жар-птицы.
Утильщик там соорудил
из проволоки, битого стекла и пробки от графина
столь хитроумную для солнца западно,
что луч вечерний, луч единственный,
едва ее задев – не может выбраться
и пленником утильщика бывает раз на дню.
Он мечется меж стеклами, он искрой фиолетовой,
он радугой кидает из окна до потолка
и выполняет прихоти чудного старика.
В тот миг перо Жар-птицыно, помолодев, цветет
и блещет, и сверкает,
и можно догадаться, с каких оно упало заоблачных
высот.
И в этот миг утильщик
смеется вместе с солнцем,
приплясывая валко меж хлама и старья.
И кажется, и мнится: жизнь прожита недаром –
в окне перо Жар-птицы
и отсвет озаряет «Прием утильсырья».

1973

ЛИЦА

Подчас дивлюсь, в брожении буден
почти уже отжив свое:
что за личины лепит людям
соленое житье-бытье!
Не лица – сложные ландшафты,
где в ямах оспин и морщин
носы – как скалы, рты – как шахты,
и лишь в глазах мутнеет синь.
В другие втерлось что-то зверье:
торчат клыки из-под губы,
и слиплись волосы, как перья,
и щеки сизые грубы.
Есть что-то от коры дубовой,
от чурбака, сука и пня
в обличьи косных лиц, чье слово
всегда преследует меня.
Случались вместо лиц – комоды,
горшки ночные, сундуки...
И я, устав от этой моды,
глаза сжимал клешней руки.
А сам ведь харей не обижен:
немало жести смяла жись –
ведром под кулаком булыжин
башка брунжала, лишь держись!
С лица содрали даже брови.
Трясусь, жестянку-жись кляня.
И все ж боюсь, когда по-совьи
те лица смотрят на меня.

1969

СЕСТРА ОКЕАНА

Ловила старой снастью рыбин,
пока спокоен океан.
А за спиною, за обрывом
ненастьем черный бубен вздыблен,
там космами трясло ненастье,
готовясь к пляске, как шаман.
Согбенная, со взором древним,
привычным взмахом темных рук
тянула снасть
за горным гребнем,
среди раздумий и распутий,
среди изломов и излук.
Она на океан ворчала –
не очень-то сегодня щедр...
Он для нее был однолетком,
он, как она, жил изначала –
всех старше,
всех мудрей,
всех горше
среди людей, вершин и недр.
И в надвигавшемся ненастье
шло продолженье давних лет:
снасть, отягченная уловом,
сменялась опустевшей снастью,
приметы добрые сменялись
тревогой пасмурных примет.
Все было –
доброе и злое...
Расцвел и сгинул целый клан...

И вот у берега лишь двое:
она – согбенная старуха,
он – оскудевший океан.

1970

* * *

Жизнь человека – это сад,
где злые яблоки висят
и зреют гроздья грозных бед
от зорь и до заката лет.
В давяльне выжмешь терпкий сок,
и горечь – как удар в висок.
И в каждой капле – память зла,
что жизнь сквозь сад твой пронесла.

1967

* * *

Он сторожит арбузы
ночь насквозь.
Они в ларе железном. Он в дожде.
Он стар и согнут, словно ржавый гвоздь,
торчащий криво в мокрой городьбе.
Какие сквозняки, какой поток!
Как эта муть сегодня холодна!
Как ноги ломит!
Как долбит в висок
судьба, что без покрышки и без дна!
Все дни,
Все годы,
Все века,
Весь свет
сомкнулись клином на его плечах,
свели все счета всех прожитых лет,
задули все огни
на всех свечах.
Остался только непогоди вой,
когда болезни точат страшный клюв
и прошлое висит над головой,
устало крылья слабые свернув.
Осталось: сесть и сторожить всю ночь
арбузную вселенную в ларе,
где все планеты, что им ни пророчь,
пойдут под нож в дождливом сентябре.

1962

НАСЕЛЬНИКИ ГЛИНЯНЫХ КОРЧАГ...

Причуды и привычки домашних растений,
доверчиво сидящих в замшелых горшках...
Они, как птицы в гнездах, без скуки и без лени
высиживают нечто за совесть, не за страх.
Рабы своих владельцев,
свободный кажут норов,
причудой своевольной хозяина разят...
И прорастают стебли меж вздора и раздоров,
пока семейство в дрызгах от головы до пят.
Не вставят голос в склоки безмолвные сидни,
безгласные насельники глиняных корчаг,
но есть в их слабых стеблях
не явный и не видный,
но все ж
покой и тишь отворяющий
рычаг.
Издерганный и мятый,
подходит к ним некто —
огладит он листья,
оглядит цветы...
«Хоть за окошком стужа —
в душе и в сердце снег-то...
А тут росток увидишь,
и потеплеешь ты».

1996

* * *

С шести утра продажа водки.
О пьянь послевоенных лет!
Грязней, чем старые обмотки,
в крови запекшейся рассвет.
Шинель – по пояс,
жизнь – как волос –
чуть тронешь – оборвется срок.
Судьба на мину напоролась,
теперь – тележка вместо ног.
А по ночам в порыве страшном –
прорыв! И месиво из тел,
и крик твой собственный,
тогдашний,
и ты меж тел...
И сон слетел.
Косая на косом откосе...
Броня и души – вдрабадан!
Теперь, спасибо, друг подносит
к губам обугленным стакан.
С утра пораньше, для разбежки.
В пыли рассветной у ларька
стаканы с водкой,
две тележки
и на двоих
одна
рука.

1975

ПАМЯТНИК ПОЭТУ

За белым камнем выгиб речки, поле
и всходы худосочного овса,
и лес в весенней северной юдоли
зелеными огнями занялся.
И в вечных красках вечных смен природы,
и в птичьих песнопеньях в вышине —
свист поезда, ни с чем другим не сходный,
стальным хлыстом хлестнувший по весне.
А ниже, ниже, на шоссе — машины.
Кичливый лак и никелевый блеск,
и чьи-то лица в суете мушиной,
и славы чьей-то выпранный бурлеск.
Но здесь, на взгорье
только белый камень.
Ни славы, ни бесславья.
Он, как жизнь. Он есть,
чтоб вместо волн
веками
плескалось Время у его крутизн.

1967

* * *

Повадки стариков —
что старых птиц повадки.
Как клювы их носы,
как лапы их перчатки.
Один, как воробей, привязчив и настырен,
и нелюдим другой, как поседевший филин.
Но в разномасти их есть главное, есть что-то
от всех прощальных стай, собравшихся к отлету.

1975

ТЕБЕ О ТЮИЛЬРИ*Косте*

Название птичье
Тюильри
птиц привлекает со всего Парижа.
– Тюрю – тюри! –
послушай, посмотри
все то,
чего я больше не увижу.
Когда-то и меня
позвал Париж,
завлек и заманил:
– Тюрю – тюльри!
И я был легкомысленней, чем чиж,
и прилетел в Париж,
в сад Тюильри.
С тех пор мне перья потрепала жись.
Не хватит крыл
опять достичь Парижа.
А ты –
валяй попробуй, покружись
в местах,
которых больше не увижу.

1986

ПАМЯТНИК

Он там сидит –
меж голубей,
среди колясок детских
и пенсионеров.
Согбен, нахохлен,
весь в своей судьбе.
Нет пенсий,
нет детей,
нет мира и нет меры.
Весна, зима ли –
все ему одно.
Снег на плече
иль пыль от лип – едино.
Он дна достиг,
сломал судьбу о дно,
и сам остался в сумрачных глубинах.
Туда теперь едва ли заглянуть.
Пласты времен над головой сомкнулись.
И новые пути
его давнишний путь
крутыми колеями отчеркнули.
Он в вечной славе,
в праздничной чести.
Привычно все –
от слов его до позы.
Но как ему теперь
себя спасти
от славы, почитания и бронзы?

1967

КОВЧЕГ

Я перебрался в старую Москву,
мой дом – ковчег, сквозь времена плывущий.
Не знаю, долго ль сам останусь на плаву,
но все кругом плывет стремительней и пуще.
Я в трюме, где трюмо, потертою фольгой
глядится в коридор лет семьдесят и боле;
в каюте, где киот с отломанной ногой
стоит уже сто лет, не замечая боли.
Я в этот древний праведный ковчег
из будущего влез как безбилетник.
Здесь тесный коридор, длиною в целый век,
трагедии таит и сеет сплетни.
Плыву сквозь пену пасмурных недель
и каждый миг без тени суеверья
с опаской жду, что вынесет на мель
и трещина пропорет межреберье.
И выйдет Ной из комнатки внизу,
и, позабыв про чистых и нечистых,
седою бородой утрет слезу,
и свой псалтырь прочтет над атеистом.

1973

* * *

Красою чуткою чиста,
под ветром пламенея,
в печах чашоб горит листва,
и ты сгораешь с нею.
Бескраен вымах ветровой
над светлыми лесами,
где голос твой и облик твой
дотла сжигает пламя.
Ты не сгорала в тех кострах,
где угли согревали.
У ветра был веселый взмах,
и птиц дарили дали.
А этот ветер с высоты
грозит ударом в темя...
Вот почему сгораешь ты:
не пламя тут, а Время.

1984

II. Влюбленность

* * *

В эту ночь, что черна и бела,
для тебя одеяньем была
тьма и тишь, и тугие браслеты
из зеленого лунного света,
узкий плат весь из прорезей лунных,
да волос молчаливые струны,
да по звездочке синей в ушах...
Все в забвенье ушло неспеша.
И запомнились только браслеты.
Где нашла,
потеряла их, где ты?

1965

* * *

Л. Б.

Хочу стать кувшином,
чтоб ты в меня вылилась терпким вином.
Пусть гончар меня сделает добрым кувшином,
чтобы ты отстоялась во мне,
обрела свою крепость и свой аромат.
Пусть я стану лишь глиняным грубым сосудом –
лишь бы ты поместилась в меня,
лишь бы стало удобно тебе
изнутри обнимать мои стенки.
Роспись мне не нужна,
украшений на горло не надо.
Стать кувшином,
наполненным только тобой,
лишь тобой до высокого горла.
О, гончар, обжигай меня осторожней!
Если трещина будет,
вино не удержится долго,
оно утечет, я останусь пустым...
Я хочу стать кувшином.
А ты? Ты захочешь стать терпким вином?

1965

ЧУДО

Какое веселое чистое чудо:
деревья в гудящей листве,
а под ними —
два глаза,
два светлых колодца,
два пруда,
удвоивших мир в бесконечности синей.
Протянута к солнцу волос паутина,
и руки
в меду от покосного ветра...
Так чудо лежит,
постеливши под спину
гудящее листьями
пряное
лето.

1964

* * *

Стать дурочкой,
полнеющей от долгих поцелуев,
есть сладости, пить легкое вино,
день путать с ночью, радость кожей чувствовать
и видеть явь, как продолжение снов.
Проснуться в полдень, скомкать одеяло
и, яблоком заев влюбленный взгляд,
подумать, что и многих взглядов мало,
когда глаза влюбленные глядят.
А в полночь лунный луч поймать ладонью,
продрогнуть, утомленной и нагой,
и в волосы закутаться спросонья,
и узкий туфель отыскать ногой.
Жить радостно, жить чувственно, чтоб губы,
чтоб груди и глаза здоровьем зацвели...
Пусть это грубо.
Только словом грубым
не называйте радости земли.

1967

ТАИНСТВО ПЛОТИ

...Есть таинство плоти,
которое смутно начнешь постигать
по прошествии лет.
Все таинства прочие
просто обрящете и обретете,
а это есть таинство таинств,
а это – наитье, открытие
в себе, в неподвластных глубинах,
неведомых сфер и планет.
Вселенная в теле твоём.
И чело не возвышенной чресел.
Вдруг сумрачно, сонно забрезжит однажды,
как будто сквозь ночь,
сквозь пространство
призыв от далеких светил –
и ты, иссушенный заклатьем неведомой жажды,
бросаешься в поиск,
влекомый бореньем взбесившихся сил.
Все прошлое,
то, что изведаль, что стало знакомо,
не в счет – стерто, смято, разбито...
Встает пред тобой
первозданным бесформенным комом
незнакомое, новое...
Что? Непонятно.
Распев ли, расцвет иль разбой...
Что-то новое в год,
когда все под луною не ново.

Что-то светлое
в час, когда сумерки выпьют окно.
Постигается смысл
не сквозь мысль или слово,
а чрез плоть,
где не слово — одно лишь присловье дано.
В этих придыхах, вздохах,
в неистовстве и бормотаньи
вдруг отверзлись глубины,
открылись наречия недр.
Ты неведомый мир обретаешь в братаньи
с первозданной природой,
где миг, как столетие щедр.
«Приходите».
Когда?
Не скажу и не знаю.
«Распознайте».
Но как?
Никому не понять.
Это таинство плоти протяжно взывает
сквозь моря и миры,
пронизав каждый миг
и позыв,
и познание,
и каждую пядь.

1972

* * *

Не берегут любимых, не щадят.
Всю тяжесть — им и все несчастья — им.
Во времена любви среди счастливых дат
их душат горем пасмурным своим.
Любимых мучат, жучат день и ночь —
любовный пыл безжалостен и лют.
И чем счастливей любят, тем жесточе
терзают злом и тяжестью гнетут.

1972

* * *

Ярость солнца азийского
на плечах твоих, на руках, на груди.
В волосах – душный дым саксаула.
Это пламя песков. Это кровь разъяренно гудит.
Это ты
своим жаром неистовым к встречному жару прильнула.

Открываю губами соленый миндаль на губах,
угораю в углях твоих жадных жаровен.
Растерзала – пропал и тобою пропах.
Сам себе я не равен и трудным дыханьем неровен.

Задыхаюсь, в любимых барханах тону,
таю, тайну таю и тебе не открою.
И на ощупь бреду в полусне к полусну
незнакомой и вечно знакомой тропею.

1972

НАИТЬЕ

Взбираясь в выси, погружаясь в глуби,
блуждая трудно меж годов и дней,
не женщину любимую мы любим,
а только нашу выдумку о ней.
Свершится вдруг такое совпадение,
случайный миг, который все решил –
фантазия и женщина, как звенья,
смыкаются внутри твоей души.
И нет сильнее радости на свете –
всего себя для радости готовь!
Стань суеверным, ибо по примете –
Чем звонче радость, тем сильнее любовь.
Но, полюбив, любимую не знаем.
Она, как птица в зарослях дерев –
есть голос, но для глаз непроницаем
листвяжный терем, где живет напев.
А если взор схватил ее всю разом,
одним глотком от головы до пят –
исчезнет голос, испарится разум.
И снова образ надвое разъят.
Так где же цельность, где души раскрытье,
где пониманья праздничный накал?..
Неужто вся любовь – одно наитье,
тревожный свет на дне пустых зеркал?..

1973

III. Святыни

ИЗБА

На перекрестке всех стихий
стоит изба,
на перехлестах
ветров и ливней
и судеб –
от колыбелей до погостов.

Краеугольные камни –
в корнях деревьев и дорог,
а в бревнах, в балках, под застрехой
не твой ли спрятан строгий срок?..

В стихию неба и земли
вплелась житейская стихия,
и в тишине
сильней вдвойне
ее раскаты роковые.

Чуть вскрикнет дверь,
вздохнет сквозняк,
и затоскуют половицы...
Кто ж там сумел в родной предел
из невозвратности пробиться?..

Былое нелегко легло
основой дня, что только начат;
и на заре
в углах, в глазах, в сенах, в сердцах,
питая страх,
ночные призраки маячат...

Когда метет и спутан счет
ненастных дней и дел всечасных,
попробуй, собери в годах
добро и зло, и плоть, и прах
всех, кто к судьбе
и к очагу родной избы
теперь причастны!

Суглинок грядок и дорог...
Дождя и трав тугие нити...
Цепь уходящих вдаль имен...
Крепь жизнью с пращурских времен...
Кто был,
кто есть,
кто не рожден!
В поток стихий родных нырните,
душой признательной прильните
к стволам судеб, сердец, событий,
ветвями вросших в небосклон!

СОБОР

1

Поруганный Собор
безмолвен.

Подумалось, он мертв.

И кто же смог бы выжить,
коль выбиты глаза,
в проказе кожа
и мерзость запустения внутри...

Тут в голые голодные года,
разгородив просторные приделы
на узкие убогие клетушки,
великолепие сменив на срамоту,
ютилась голь и боль,
что вынудилась из деревни в город.

Здесь трубы печек
сменили трубный глас Архангелов,
и лики всех святых
исчезли в дыме.

И Бога,
взиравшего из горней выси,
не стало видно
за копотью.

Разбили на дрова золотой иконостас;
из створок врат алтарных
соорудили двери для чуланов.

По очереди женщины стирали
в святой купели серое белье.

2

Так
полстолетья
Собор служил
не Духу, но животу
бездомных сих и сирых.
Служил,
своею смертью
оберегая жизнь.
Служил,
покуда некий пьяница,
утративший не только разум,
но самый облик человека,
случайно сунул в керосин окурок...
И пламя,
рванув под купол,
выжгло все дотла.

Огонь бессмыслицы
пожрал жизнь жалкую
и стер остатки смысла.
И долго
даже птицы не садились

на черные кресты и на карнизы.
Безмолвен был поруганный Собор.

3

Мне думалось, он мертв.

С опаскою ступая по золе,
по выщербинам пола
среди хлама,
напоминавшего о скудном быте,
в который обратили Бытие,
услышал я свои шаги...
Ничтожный звук их
подхвачен был стенами обгоревшими,
усилен выгибами купола и нефов,
продолжен гулкой пустотой пространства.

4

И мне почудилось, помнилось,
что Собор
не умер.
В дремоте запустенья
он тосковал по звуку,
и сейчас
шагов чуть слышный шорох
он подхватил и отпустить не может,
на все лады его перепевает,
припоминая
великолепие бывшего многогласья.

И тут,
поднявши взор от хлама,
я на стене, обросшей сажей,
отчетливо увидел
сияние золотого нимба
и складки золотых одежд,
и крест золотой на них.
Сгорело все вокруг,
лик стерло пламя,
но золото нетленным оказалось,
незамутненным в гари и дыму.
Средь знаков гибели
оно хранило
движенье благословляющей руки святого,
неведомого,
давнего,
поруганного
пламенем беспамятства и лжи.

5

Уж если после стольких испытаний
Собор сумел сберечь такое...
Не знаю, что сказать.
Слова пропали.
Мучительно ищу забытое,
хочу подарок сделать бедному Собору.
На сбитые ступени алтаря
встаю
и громко, хоть неверно,
произношу три слова нараспев:

– Бла-го-сло-вен Бог наш! –
О, как Собор слова мои вознес.
О, как они зарокотали
под куполом,
там, где когда-то изображен был
Бог на облаках.
Как бережно Собор хранил их звуки,
не отпускал,
берег по нефам,
по тайникам неведомым.
Я уходил, а голос все звучал.

6

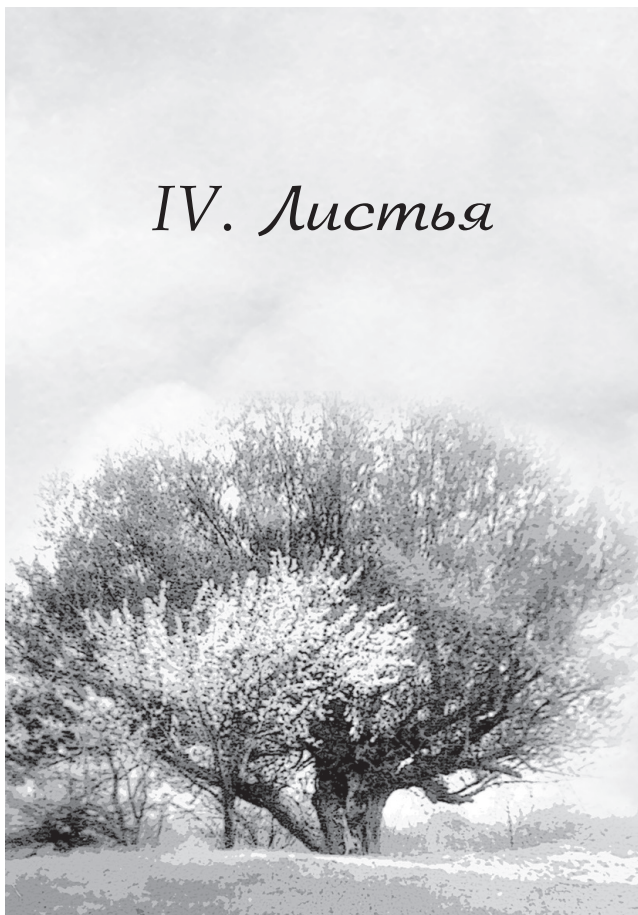
Отчаявшийся,
никому не верящий,
изверясь
в самом неверии, неверный, охвативший мир,
сегодня
приобщился я
к чему-то,
чему названья нет.

Иль просто я не знаю
такого слова, чувства, состоянья?..

О, почему
лишь через разрушенье и потерю
утраченное робко вспоминаем...

1988

IV. Листья

А ЗНАЕШЬ...

Сорока застрочит, ворона проронит
картавый раскат перебранки вороньей,
спешит вездесущая птица синица
в сентябрьскую песенку звонко вселиться.
Среди разнобоя лесного и дятел
скрипучий глагол на осине распятил.
И только лишь ты, напрягаясь до дрожи,
природное слово исторгнуть не можешь.
А, знаешь, совсем напрягаться не надо —
и слово лесное придет, как отрада,
как шепот и лепет листвы листопада,
как выстуки града,
как зов звездопада,
как зрелая роскошь душевного лада.

1985

* * *

Отцвел багульник,
отошла пора.
Ждать больше нечего –
пора и восвояси.
Бессребренику не до серебра.
Слепцу наш мир и без светила ясен.
Я шел в просторы не за серебром.
Я, как слепой, предгорья палкой щупал,
чтоб услышать, как скачет ломкий гром
и как гремит хвостом об воду жука.
Я отыскал, что захотел. Я рад.
Пора прошла,
но я пришелся в пору
поре, где облака, паря,
себе не ищут твердую опору.
Цветы безмерной жизни не хотят:
отцвел багульник и не сожалеет.
И омули, спасая омулят,
сеть отягчают добротой своею.
Прощаясь, не прощаюсь, а учусь,
как растворяться в воздухе и в водах.
Отцвел багульник.
Ни к чему тут грусть.
От праздника ведь тоже нужен отдых.

1968

ДЕКАБРЬ

О декабрь.
О недужность рассветов.
Непроглядность ночного пласта.
Это песенка вечности спета –
слепота,
глухота,
темнота.
Зашевелится только к полудню
тяжесть туч и слежалость снегов,
и прорежется лучик приبلудный
через толщу домов и дымов.
Но еще тяжелей и слежалей
дрема дымной декабрьской души.
Где, в каком позабытом кружале
сам
сиянье ее
заглушил?..
Прогорели дрова и дерзанья,
и осталась холодная гарь,
да растянутый в наказание
нескончаемый
тусклый
декабрь.

1975

НЕВОЗВРАТИМЫ...

На небе хмурые проплешины,
и в чаще тот же темный тон...
По сучьям осени развешены
обрывки прожитых времен.
Легка тропа спокойной памяти.
Нелегко прошлого комок.
В сыром лесу и вы оставите
судьбы своей тревожный клочок.
В далекой, давней этой волости
он долго провисит еще,
пока порыв осенней мороси
его не бросит на плечо...
И так пронзительно припомнится
вот эта самая тропа
и день, высокий, словно звонница,
и лист, что на плечо упал,
и облик чей-то...
Не тревожь его,
не поднимай печальный прах.
Невозвратимы клочья прошлого,
что виснут на сырых ветвях.

1980

* * *

Обрывок моря: чайка, яхты,
развалка волн, раскачка мачт...

Знак отыщи на каждый взмах ты,
и все, что видишь, обозначь.

Когда начнешь тонуть во вздоре,
захлебываться в мелочах –
возьми листок с обрывком моря,
со знаком чаек, мачт и яхт.

1984

КАРТИНА ДЕКАБРЯ

Туманная картина декабря
зыбка, зябка, размазана, размыта...
Художника перстом кривым коря,
обочь реки нахохлилась ракита.

Но разве мог он куржаком и льдом,
снегами по снегам писать иначе?
Мечтой продрогшей в холоде ведом,
он только очертанья обозначил,
он только наспех, дуя в кулаки,
сумел намазать утреннюю серость...

И все ж, тот перст, озябший у реки
ему запомнить льстилось и хотелось...

Упрек ракиты принят был сполна.
И по туману темною эмалью
она теперь в картину включена
единственной отчетливой деталью.

1980

ЧТО ДОСТАЛОСЬ...

Пахнет яблоком в тощем осиннике.
Дышит холодом в старом саду.
Знаю: было заветное яблочко,
только я уж его не найду.
Где-то рядом висело веселое,
веселило, как день именин...
А достался в осеннем осиннике
горький лист от осенних осин.

1984

РЯБИНОВЫЙ ПРАЗДНИК

Ступай и в тумане по плечи увязни,
продрогни, как лист, на осеннем ветру,
сквозь дождь проберись на рябиновый праздник,
угаданный сердцем чуть свет поутру.

Туда устремись через ветви и время,
где Пращура след между глин и дернин.
Бреди по лесам, по кочкарной уреме,
покуда в глазах зарябит от рябин.

Покуда есть воля и радость, покуда
у леса не отняты жизнь и душа,
вбирай мимолетное тихое чудо,
рябиновый праздник для сердца верша.

1984

САД

Памяти тетушки Гали

Доверчиво домашние деревья
столпились перед теткиным двором.
Деревьям деревянная деревня
всю жизнь дает,
а мы всю жизнь берем.
Но яблоки и вишенья, и дули –
не выдача отдачи от удач.
Деревья к дому радостно прильнули,
платя сверх мер и не желая сдач.
Они, как тетка, в щедрости упорны
и в них – она,
их сад в одно связал –
не разобрать, где руки, а где корни,
где ягоды, а где ее глаза.

1972. Мосолово

ОВРАЖНЫЕ ТАЙНЫ

Внизу теперь темно и сыро...
Овраг, как запертый подвал.
Он древними ручьями вырыт
и спрятан ельником под вал.

Его не видно за чашобой.
Лишь винно-волглая листва
лепечет сонно об особой
в нем скрытой тайне естества:
о вязи солнца с паутиной,
о связи завязей и звезд,
о жизни темной и глубинной,
питающей красу и рост,
о тонком свете в бересклете,
о лунном папоротнике,
о том, чему на белом свете
осталось место в тайнике...

Случайна жизнь. Еще случайней
овражной тайны кроткий кров.
Кто даст бескрайне длиться тайне
овражно-важных тайников?..

1984

* * *

Богатство скудости родной –
оттенки серого на сером.
Нет яркой краски ни одной,
нет превышенья скудной меры.

Есть серый дом и серый сад,
и небо серое над крышей.
И птицы серые висят
в недвижной серости притихшей.

Дороги серое рядно.
Судьбы суровые полотна.
Богатство скудости родной:
круг серых дней, тугой и плотный.

1984

ШАХМАТОВО

Дом сожжен, и разрушена церковь,
но простор и высок, и глубок –
он прошел через ту же проверку,
что усадьба и церковь, и Блок.

Ни железо, ни камень, ни древо
той проверки снести не смогли,
изломавшей и душу, и чрево
этой перестрадальной земли.

И в великой вселенской округе
сохранились с тех пор до сих пор –
битый камень да старые угли,
и запомнивший Блока
простор.

1983

СЕЛЕНА

Лучение Луны пьют сонные растенья.
В болотах по-русалочьи рогоз
протягивает синие сплетенья
к лучам, дарящим потаенный рост.

Медами чаша полночи налита,
и сотовым куском белеет лунный шар.
Тревожит тишину гуденье пчел на липах:
июньская луна влила в цветы нектар.

Она спрямляет сук сосны согбенной,
и древний дуб ее лучи бодрят.
С Селеною из темных сил Вселенной
по мощи ни одна не встанет в ряд.

Стволы и стебли, клубень и початок
в блаженном полусне вершат глухую жизнь:
им, кроме Солнца, люб другой зачаток –
таинственный полночный магнетизм.

Впивают луч Луны крапива и картофель,
восполнив то, что день уходит, недодав...
Уж коль не Гете знал, так Мефистофель
о пользе лунных сил для дерева и трав!

1982

МОТИВ СЕНТЯБРЯ

Такая досада – литые осенние яблоки на вершине
сороки истыкали острыми клювами.

Дрозды налетели –
от черной рябины остались оклевыши жалкие.

Посмотришь в окно, там зеленая мутность –
цветы и деревья, продрогшие улы
расплылись в неровные пятна.
И четок лишь скрип двух синиц, потерявшихся в мути.

Воробьи подняли гвалт на кустах под окном,
разбудили трехлетнего сына;
он глазки открыл, улыбается, руки тянет ко мне.
Надо его одевать.

Столько хлопот приносят осенние птицы...

1977

РИСУНОК И ПЕСНЯ ВЕСНЫ

Деревья и птицы – рисунок и песня весны,
скоротечный, беспечный, извечный мотив...
Как ладно и складно, как тонко они сплетены,
сплетеньем своим не в последний ли раз,
не впервые ль меня охватив?

С весною встречаясь, прощаюсь.
На радостях чаще грущу.
О горечь познания зыбкости тверди земной!
Как будто бы кто-то вложил мои годы в прашу –
и время в обгон, и лишь прошлое вместе со мной.

И, думаю, визнавав, как годы летят, как стоят:
лишь дни отошедшие были б для сердца честны,
и только бы изредка тонко вплетались в их ряд
деревья и птицы – рисунок и песня весны.

1978

* * *

Никак листвой не разродятся
коряги древние древес.
Их окружили домочадцы,
и май врата свои отверз.

Давно вселенской повитухой
пришла весна, да холодна,
и таинство живого духа
лишь тщится совершить она...
Самой не верится, что в черни
коры корявой и суков
завяжется зеленой зернью
листвы разбуженной покров.

И в тишине палат высоких
ей остается только ждать,
пока встревоженные соки
на свет исторгнут благодать.

1982

* * *

Слиток янтаря – осенний парк.
В глубине ветвистой различимы
сквозь листву и чуть приметный пар
горестей и радостей причины.

В выпуклых боках янтарных глыб
сохранились четко или зыбко
поцелуй, коляски детской скрип
и слеза, и давняя улыбка.

Отсвет душ и зерна знобких слов,
прозвучавших средь листвы остылой,
в самородки кленов и дубов
медленное время заточило.

Здесь янтарный луч, войдя в кристалл,
не найдет предела тонких граней.
Счастлив, кто искал и не устал
от чреды пожизненных исканий.

1982

* * *

Чем весной мне тебя улещить?
У лещины сережки стащить?
Волчье лыко у лешего выкрасть?

Погоди. На судьбу не ропщи.
По оврагам пошарю: грачи
и скворцы мне поведают хитрость:
под черемухой в теплой глуши
у крапивы листы хороши...

Вот подарок лесной. Не взыщи –
пир весенний: крапивные щи.

1983

МЕТЕЛЬНОЕ

Ломало, мело, заметало и мяло
деревья,
дымы,
облака
и просторы.
В смятении стихий намечалось начало
разлада,
распада,
раздора,
раззора.
Поземку вило и вело по извивам
далеких дорог,
закипавших мятежно.
И судьбы ломало тревожным порывом,
и жизнь повисала на прочерке снежном.
По бездне метели
в провалах, в разломах обрывки селений мело
и вихрило...
Хотелось
в раззоре
от каждого дома
хотя б по окошку
спасти от распыла.

1984

ЭТОТ ЗВЕРЬ, ЧТО ПРЕСЛЕДУЕТ ОСЕНЬ

Обглодки ветвей пережевывал ветер,
отрепки листвы перетрепывал в лапах,
на клен покушался,
на облако метил,
заглатывал краски, звучанья и запах.

Он был ненасытен, всеяден, несносен —
выискивал в дебрях,
прошаривал в чащах.
Он был, словно зверь, что преследует Осень...
И Осени было от этого слаще.

1985

РАЗНОКРЫЛОСТЬ

Все то, что за листвою крылось,
открылось, перьями покрылось,
раскаркалось и раскрылилось,
затенькало, замельтешилось,
прощаясь с нами, в стаи сбилось,
за хмурым окаемом скрылось,
оставив скучную остылость
и оголенность, и постылость,
с одной надеждою на милость
вернуть весной всю разнокрылость.

1984

ВЕЛИКИЙ ХОЛОД

В безрадостных пучинах декабря
предметы смутны, смяты и размыты.
Великий холод в мире затворя,
туман содвинул мраморные плиты.

Захлопнулись глухие небеса,
речные щели намертво сомкнулись.
Безжизненные ризы разбросал
Великий Холод в царственном разгуле.

Он нас в пути задел своей полой
без умысла, не снизойдя, не глядя –
был случай слеп и, как туман слепой,
разъединил, оставил нас в разладе.

В продрогшем поле – только ты и я...
Идем вдвоем, но принимаем разное
безжалостность земного бытия
в бестрепетной жестокости морозной.

1979

* * *

В ювелирной лавке осени
целый день – погром и кражи.
Золотые слитки брошены
под ноги, в провал овражий.

Угадаешь нынче разве, кто
наколот эмали синей?..
Серебро, как лужи, разлито
в остывающей плавильне.

Ризы сломаны и содраны
с потемневших ликов дуба,
и на все четыре стороны
ключья выметаны грубо...

И поэт
приходит скромненько –
подсобрать и спрятать в вирши,
что осталось от разбойников
у несчастной ювелирши.

1979

СОН О ПТИЦЕ

Нет, ошибиться я не мог,
совсем не мог я ошибиться...
Слетела утром на порог
большая встрепанная птица.

И чистила свой синий клюв,
и громко перьями трещала,
и шею набок повернув,
трубила звонко вдоль причала.

Я чуял птицу. Я сквозь сон,
сквозь мутные, как дождь, ресницы
хотел пробить слепой заслон
и взглядом прикоснуться к птице.

Я порывался на причал,
где буря била в борт баркаса...
И лишь бессвязно прокричал
в дыму предутреннего часа.

1971

* * *

Деревьев почерк;
знак и звук
птиц, собранных в тугую стаю...

Меня забудьте, как листву,
как снег сошедший забывают.

Был послан я издалека
и собирался я далеко,
но надломился, как строка,
в руках неловкого пророка.

Я за бессмертием не лез –
бессмертны склепы, а не люди.
Я был, как предосенний лес,
что, убывая, не забудет.

Деревья, дети и птенцы –
вот все, что миру я оставил.
Начала есть,
а где концы?
Где правила игры без правил?

Сгорая, обращаясь в дым,
к вершинам дальним отлетая,
дыханье отдаю другим
листам,
словам
и птичьим стаям.

1974

* * *

Осенняя морская синь
и в небе, и в воде,
и солнце чистое висит
на золотом гвозде.

Встал город,
как большой орган
в готической кирке.
Он гимны западным ветрам
гудит один в тоске.

А я по берегу иду.
Плывут цветы медуз,
и море
эти вот стихи
мне шепчет наизусть.

1946

ПОДВИЖНИКИ

Чрез годы, месяцы и миги,
кряхтя подвижники несли
гнетущие к земле вериги,
чтоб оторваться от земли,
чтоб воспарить над временами,
осилить властную Судьбу,
раскрыть
глаголов смысл и пламя,
и крылья, скрытые в горбу;
чтоб лоб, искривленный железом
расправить ангелы смогли б,
и над мучительным разрезом
стал явен светозарный нимб.

2000

*Начало перед
концом...*

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК

Нас обступает двадцать первый век,
а мы коптим в своем средневековье,
и Хан-пахан, безликий Имярек,
нагайкой нищеты валтузит нас до крови.

Кучкуемся по избам, по углам,
в бетонных балаганах и пещерах.
Повсюду пьянь и рвань; везде бедлам
гнилые зубы через щели щерит.

Все тот же дьяк, прищурившись хитро,
скуфейку и кафтан свой носит скрытно.
Компьютер, как гусиное перо,
поскрипывает требухой магнитной.

Сказитель в теле-радио-зурну
бренчит одно и то же год от года.
И гонит юность на свою войну
ничтожный старец, алчный воевода.

Князек над нами властвует – мурза
и сборщик податей бабай в бандитской маске.
И все мы дружно голосуем «за»,
согласно плеточно-нагаечной подсказке.

Одень нас хоть в дерюгу, хоть в парчу,
все те ж мы: после голода и розог
целуем руку гаду-палачу,
под ноги воеводе стелем розы.

Ау! Откликнись, где ты, новый век?
Со всех сторон лежит средневековье:
под скрип компьютеров (а может быть, телег)
спит с ядерной дубиной в изголовье.

2000

* * *

Накрывшись в непогодь рогожей,
по стогнам городов и сел,
и я, калика перехожий,
чрез реку века перебрел.

Оставил берег запустелый.
И новый берег тоже пуст.
И никому давно нет дела,
какое слово рвется с уст.

Рогожа, драные калижки,
растерзанные небеса.
Здесь дно найду,
хоть нет покрышки
и невозможны чудеса.

2000

ОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНИЗМА

Взяв за шкурку,
ясным днем, а то и ночью гулкой,
вывожу свой организм на прогулку.
Заставляю не скрипеть сердце сумкой,
на давление не давить лишней рюмкой.
Добиваюсь я от ног год за годом,
чтоб увереннее шли самоходом.
Вместе с сердцем в этот час
нелегко нам
кровь по жилам перегнать самогоном.
И заставить вялый мозг,
сев под вязом,
мысль со словом увязать
самовязом.
А потом смирить свой нрав правдой горькой,
и подкорку подкрепить хлебной коркой.
Организм я свой веду,
взяв за шкурку,
повторя день за днем
под копирку.

2000

В МЕТРО

С того конца вагона –
как вспышка, боль-прострел –
оттуда незнакомый
знакомо поглядел.

И бровь... и острый прочерк
пугливого зрачка...
Строкой тире и точек
дошли издалека.

В подземном гуле весть я
поймал в вагонной мгле
от друга...
(полстолетья
покоится в земле).

2000

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Плаха. Дыба. На окне решетка.
Так привычен этот интерьер...
Издавна продуман
и размечен четко
мерный ход чрезвычайных мер.

Вот палач, не торопясь, устало
цыплячи плечи жертвы затянул ремнем.
В пять минут признанием больше стало —
вылечил от запирательства в один прием.

Богатырь пусть дыбится на дыбе
(ремешком одним с таким не обойтись)...
Глядь, и показанье нашкандыбал.
Наплевать, что тело — вниз,
душа — отдельно — ввысь.

Захожу, не зная, что за бочку
мне подкатят сквозь бредовый дым,
чтоб палач устало вставил точку
в завершение топором тупым.

2000

В БАНЕ

Прикрывши стыд помятой шайкой,
помывочный миную зал...
Досталась шайка-оплошайка –
водицы чистой не достал.

Хотел промыть не только тело
и душу блазнилось омыть,
но в этой мойке ошалелой
лишь гнусь да грязь на волчью сыть.

Мерзейшим покриком и свистом
наш век отмечен средь веков.
Тут и чистилище не чистит,
и гадость бьет из родников.

2001

ОФИГЕННЫЙ ПОФИГИЗМ

Капитально, офигенно
дан инженерией генной
изорвавший нашу жизнь
офигенный пофигизм.

Ты в былом не сыщешь гене
пофигизма офигенней!
Облегчает лучше клизм
офигенный пофигизм!

2000

УМУЧЕННАЯ РУСЬ

Не жду ответа на вопрос:
неужто нам даны навеки
все эти грозные цари,
все эти гнусные генсеки?

В чинах чиновные глупцы,
бесчинствующие уроды,
не ведавшие что творят
и в воду прущие без броду.

Вода краснеет, словно кровь,
когда равняют кровь с водицей...
Но для державных дураков
лишь кровь должна веками литься.

И умирающая Русь
навек свои смежила веки.
Ее умучили цари,
добили гнусные генсеки.

2002

* * *

Комедиант ломал комедию
о колено пополам.
Комедиантское наследие
рассыпалось по полам.

Прибаутки, шутки плоские,
туповатый треп острот,
прежних клоунов обноски,
шляпа задом наперед...

Не ломал бы ты комедию,
сохранил ее как есть,
и, глядишь бы, из наследия
уберег отчасти честь.

2002

СТИХИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Из юношеских стихов

НА ПОДНОЖКЕ

За рекою дымной,
В вышине пустынной
Мечется закат,
 И в пурпурном свете,
 Рвя пространства сети,
 Поезда летят. На подножке цепко —
На затылке кепка;
Долог трудный путь!
 Мы летим сквозь ветры,
 Мчатся километры,
 Бьется воздух в грудь.
Нас война послала
За пшеном и салом,
Голод дал билет.
 В вихре черной пыли
 Криком страшной были
 Оставляем след.
Помним, что за каждым
Смерть бежала дважды
В злобе и крови —
 Потому мы рады,
 Раздробив преграды,
 Видеть, как вдали
За рекою дымной,
В вышине пустынной
Мечется закат,
 И в пурпурном свете,
 Рвя пространства сети,
 Поезда летят.

1943. Шилово

НОЯБРЬ 1943 ГОДА

По старым улицам пройдем
В последний раз, друзья.
Последний раз увидим дом,
Где мать жила, семья...

Где вместе детство провели,
Куда пришла война.
Откуда радости ушли,
Ушли, как тени сна.

Идем, друзья, в осенний снег,
В сырой ночной туман.
Поверим – не схоронит всех
Смертельный океан.

Ведь кто-нибудь придет назад,
Окончив трудный бой.
Он вспомнит осень и ребят,
Весь «год двадцать шестой».

И те, кто там, в ночной дали,
Остались навсегда,
В его сознании пришли
К родным, в свои дома.

25.11.1943

ПОЧЕМУ?

Почему в лесу так тихо?
Почему здесь бури нет?
Только легкие снежинки совершают свой полет,
Только в мягкие сугробы
С сучьев иней упадет,
Да из дальней дровосеки воздух звуки принесет...
Я стою и удивляюсь: почему же бури нет?
Разве мало, что мой разум в гром и молнию одет?
Почему же снег не тает от душевного огня?
Почему все те же сосны, те ж кусты вокруг меня?

1943

* * *

Флегматичная кошка в старом дедовском доме,
Безучастно-покорная, вечно голодная кошка.
Все ее бьют и шпыняют – все ее кормят.
Откуда пришла и зачем?
Я, как и все, даю ей щелчки и жалею –
Сам ведь пришел и кормлюся пищей чужой...
И каждый вечер, ветряный вечер осенний,
Когда по радио диктор орет о войне,
Приходит брат,
Захудалый, голодный мальчишка.
Робко подходит он к бабке и просит:
«Бабка, дай хлебца». И та,
Отвечая, что хлеба нет у самих,
Ломоть отрывает широкий.
И братик
Идет в осенний вихрящийся ветер.
Бедный и жалкий мой брат!
И каждый раз я пророчу ему,
что он будет поэтом,
Таким же, как Горький.
И веет от бревен избы
Чем-то по-русски широким,
Хотя в углах притаилась жадность.

07.08.1944. Мосолово

ПОТОМОК ВОЙНЫ

Да! Я проклял отца и мать,
День рожденья забыл и год.
Никогда не смогу вспоминать
Свою землю и свой народ.

Нет земли и народа – нет,
Я не знаю, зачем я и чей,
Почему столько горя и бед
Принесло мне скопище дней?!!

Меня гонит от дома старик,
Дети в страхе бегут от меня –
Только камни и грубый крик,
Да чужая страна и земля.

Я спросил у людей: «Зачем
Всюду травят меня и бьют?
Разве жизнь моя ад и плен?
Я не мог жить, как все живут?

Почему без семьи я, один,
И в чужой, холодной стране,
Ведь я был же чей-нибудь сын?
Ведь я жил на родной земле?»

Мне ответили: «Нет, никогда
Ты не жил на родной земле,
Твой отец был немецкий солдат,
Ничего он не знал о семье.

Он пришел под железный гром,
По земле нашей стал гулять.
Точно сука за тем двором
С ним твоя целовалась мать.

Нам не нужно тебя – уйди,
Ты напомнил войну и страх,
Сердце зверя в твоей груди,
Дым пожаров в твоих глазах.

Тогда проклял отца я и мать,
День рожденья забыл и год.
Счастья нет для меня вспоминать
Свою землю и свой народ!

14.04.1944

ВЕСТЬ

По Оке, по берегу
Потерялись вдали
Села безмужицкие
В горе и печали.

Старые да малые
Брошены в деревнях.
Сыновья с мужьями
В тридесятых землях.

Как пройти не ведаю,
Чтоб не слышать плача –
Так уж, знать, положено,
Не ступить иначе.

По пути далекому,
По приокским селам
Много вестей носится
Погребальным звоном.

И одну лишь весточку!
С радостью великой
Примут долгожданную
Без тоски, без крика.

Что за радость знаете,
Не сказать словами.
Этим летом праздновать
Будем ее сами.

14.02.1945

ВЕСНОЙ

Серый плакат: строим немцы идут,
Подняты руки – «Гитлер – капут!»
Рядом,
Под мокрым снегом промок,
Грязный обрубок,
Без рук и без ног.
Площадь от туч стала темной, как склеп.
– Братцы! Подайте калеке на хлеб!

Двое усталых.
Блеснул автомат.
Смуглые лица мальчишек солдат.
Кованых стук в мостовую сапог.
– Кто же весной на фронте не мок?!!
– Сами такими, может, придем.
– Черта ли плакать здесь, под дождем!

Всякий от горя глух и ослеп.
– Братцы! Подайте калеке на хлеб!
Люди по лужам спешат и бредут
Мимо плаката, где «Гитлер – капут!»

08.04.1945

ГРАНИТ

Мороз без усталости ковал морозные узоры,
И клочья пара рвались из дверей.
О пище и тепле мечты и разговоры
Толпою правили сильнее всех идей.

А там, в проезде, где толпа, домами сбита,
У полированных колонн текла;
О, кто б подумать мог, что в холоде гранита
Источник непочатого тепла!

Я подошел к стене, сорвал перчаткой иней,
Картину эр планеты обнажил...
И хлынули вихрящейся лавиной
Переплетения слоев и жил.

Не в силах двинуться, с поднятою рукою
Я глаз не мог и не хотел отвести —
Ведь пламя вечности бурлящею рекою
Под инеем несло сжигающую весть.

И все, имевшие тепло в квартире,
И те, кто не видал еще зимой тепла,
Забыв о холоде, смотрели, как в грядущем мире
Все та же река гранитная текла.

А я, не помня день, название года,
Забыв, что холод в улицах звенит,
Лишь удивляться мог, как древняя природа
Вложила вихри пламени в гранит.

03.1945

РАЗДУМЬЕ

Пыль земли под моими ногами.
Звездная пыль над моей головой.
Может быть, равны они.
Может быть, равно ничтожны?
Может быть, глуп я: понять не могу
Ясных законов природы,
Что звезды завтра же в тусклую пыль обратятся,
И кто-то будет раздумывать так же, как я,
Стоя над звездною бездной...

1943

БУДУЩЕЕ

Огонь над пропастью блесит
На грани двух миров.
Он вьется вверх, то вниз летит,
То в пламя птицу обратит,
То в угли мирный кров.

В испуге люди убегут,
Безумство в их глазах.
И только я останусь тут:
Не страшно мне, что кровли жгут,
Что реет смерти стяг.

К огню неведомой тропой
Я брошусь сквозь туман,
И пламень я зажгу другой,
И встану твердою ногой
В тот мир без слез и ран.

Я из огня построю мост,
Я крикну беглецов.
Они поймут, что план мой прост,
Но перейти дорогой звезд
Не сыщешь храбрецов.

1943

НОЧЬ

Взметнула ночь свой черный плащ над миром,
Волшебным снам дорогу указав,
Украсив небо гроздьями сапфиров
И привидений из могил призвав.
А воздух тих, в нем не дрожит ни звука,
Деревьев призраки торжественно стоят,
И кажется, что горькая разлука
Заставила надеть их траурный наряд.

1943

ПОДРАЖАНИЕ ГЕЙНЕ

Я шел мимо кладбища в полночь,
Я слышал тяжелые вздохи,
То остовы плакали горько,
Склонившись на старые сохи.
Скелеты унылых клячонок
Плелись, спотыкаясь о плиты,
И сохи взрывали могилы,
Где черные кости зарыты.
И те поднимались с проклятьем
И в шествие вяло вступали,
И знаками звали оставших,
И что-то знакомым кричали.
Но скрылись они за горою.
Туман опустился на землю.
Ужасный вдруг скрежет раздался,
И звукам я в ужасе внемлю:
Шагая по бороздам важно,
Окутана в саван туманом
Шла смерть по разрытым могилам
И сеяла черепы в ямы.
Засеяна страшная пашня;
Холмами накрылася нива;
Кресты вырастают и зреют,
А смерть отдыхает лениво.
Я в ужасе бросился наземь,
Хотел позабыть о прошедшем...
А утром нашли меня люди
И звали с тех пор сумасшедшим.

1943

ЗАПАД

В залах прекрасных хрупкие люди
Слушают звуки и звуком живут,
Вихри симфоний и нежность прелюдий
Вместе со вздохами ищут и пьют

Звуки дрожат, пропадают и гаснут,
Снова рождаются, в веселье летят...
Люди же грустны – веселье напрасно
Слезы им нужны, все грусти хотят.

В музыке, в звуках печальных и вялых
Слышится сладкий настойчивый зов,
Зов наслаждений последних кровавых,
Тихих, как шепот, доверчивых слов.

Люди стремятся друг к другу в объятья –
Жизни им хочется, бодрости, сил...
Видят на каждом природы проклятье,
Чувствуют смерть и дыханье могил.

1943

ПОСЛЕДНЕЕ

Созвездья дрожат от немого вопроса,
Покрылся огнем горизонт.
Проходят составы, грохочут колеса:
«На запад, на запад, на фронт!»
Солдат молодой, не смотри на равнины,
Забудься под грохот колес.
И пусть тебе снятся родные картины
Без дыма, страданий и слез.
Последние сны и последние думы
Пусть будут, как бабочек рой,
Пусть их не тревожат ни вопли, ни шумы,
Рожденные страшной войной.
Зачем вспоминать о плохом, неприятном
В последнем чудеснейшем сне?
Пусть грохот бормочет о чем-то невнятном —
Ты в снах вспоминай о весне.
Не надо, не думай о смерти грядущей,
Догадок ненужных не строй,
И будешь стоять над могилою ждущей
Без страха — обычный, простой.
О чем сожалеть? Ты родился во время,
Когда без войны не живут,
И каждое, только проросшее семя
Срывают и топчут, и жгут.
Созвездья дрожат от немого вопроса,
Покрылся огнем горизонт.
Проходят составы, грохочут колеса:
«На запад, на запад, на фронт!..»

1943

ВОЙНА

Звезды украсили небо ночное.
Ночи цветы на земле распустились,
А города умирали от зноя.
Головы улиц в агонии бились.

Звезды покинули гнезда созвездий
Реяли в небе, как знамя кометы,
Пели о часе ужасных возмездий...
Это не звезды – зигзаги ракеты.

Ночью тюльпаны цветут лишь мгновенье,
Люди вдыхают не запах приятный.
Огненный смерч – тех цветов дуновенье,
Шепот их листьев, как грохот невнятный.

Хмурится поле морщинками глины.
Люди в морщинах спешат, зарываясь,
Смотрят сквозь щели, как гибнут долины,
В траурный пепел и дым одеваясь.

Люди боятся. Дракон ядовитый
Каждого хочет пожрать, растерзавши,
Хочет увидеть, как кровью облитый,
Мир захлебнется в убийственном марше.

Жалом штыка и разрывом снаряда
Ткут неустанно силочную сетку,
Чтоб, не пугаясь смертельного взгляда,
Бросить дракона в железную клетку.

01.08.1943

ПЕРВЫЕ МЫСЛИ О ГОРОДЕ

Я пришел из переулков темных,
С длинных улиц, залитых луной,
От людей, усталых, обойденных,
Позабывших отдых и покой.

Я не знал, что буду вместе с ними
Проходить по улицам, спешить
И тянуть в холодном зимнем дыме
Серых дней навязчивую нить.

Я не знал, что будет радость видеть
Желтых ламп янтарные огни.
Я не мог ни думать, ни предвидеть,
Что придется проходить в тени...

Что придется радоваться хлебу...
(Пыльным коркам, черным и сухим),
Что пошлет поклон старушка небу
За плывущий теплый, синий дым.

Что, устав от беготни и шума,
Я приду и вспомню о былом.
Прилетит из мрака сказка, дума,
Тени дней наполнят старый дом...

И проходит старое за дымкой
Тусклых пятен желтых фонарей —
Прилетают мысли невидимкой
Из лесов, оврагов и полей.

В тьме ночей я часто вспоминаю
Дальних рощ увядшую листву,
Синий клин реки, избушку с краю,
Грязный тракт, телегу на мосту.

Вспоминаю тихие просторы
И себе стараюсь объяснить,
Как я мог на улицу и споры,
Шепот трав и ширь полей сменить?

Кто позвал? Кому? Зачем я нужен?
Я не знаю... Привела мечта,
Я пришел и вот теперь загружен
Странной думой с утра до утра...

19–27.10.1943

ПОХОД

Наш путь освещали зарницы.
Мы шли каменистой тропой.
Кричали испуганно птицы,
Гремел под обрывом прибой.

За нами – родные селенья
Остались в тумане ночном...
И бури зловещее пенье
Глушил нарастающий гром.

А там, где кончалась дорога,
Нас ждали в окопах враги...
Под голос походного рога
Прощально стучали шаги.

Мы знали, что нам не вернуться,
Что смерть за соседней горой,
Что слезы у матери льются
И плещет холодный прибой.

За сына, за младшего брата
Мы жизни положим в костер.
Пусть смерть молодого солдата
Спасет матерей и сестер!

Наш путь освещали зарницы,
Мы шли каменистой тропой.
Кричали испуганно птицы,
Гремел под обрывом прибой.

26.08.1943

* * *

Я люблю широких улиц
Развевающийся грохот,
Шум моторов, брызги света
И толпы веселый хохот.

Блеск витрин, набитых пищей,
Льдом стекла и пестрой тканью,
Звуки джаза и пивные
С пьяным звоном, с грубой бранью.

И теперь, когда все серо,
Только ветер, снег да холод,
Да гуляет по бульварам
Зимний гость, военный голод,

Я брожу под снежной вьюгой
А в мечтах все тот же грохот,
Шум моторов, брызги света
И толпы веселый хохот.

20.02.1944

ПОТОМОК

Я уйду от серых зданий,
От усталости и бед,
В поле сказок и преданий,
В азиатский буйный свет.

В этом поле, в этой дали,
В шуме звонких, сочных трав
Прапрадед, лихой татарин,
Завещал мне буйный нрав.

Ничего, что мал я ростом,
Что здоровьем хил и вял —
В этих травах, в этих верстах
Он мне силу завещал!

Полюбил я больше славы
Крик осенних журавлей,
Ветра свист, густые травы,
Вихри диких лошадей.

И нескладных песен звоны,
И клинков блестящих сталь,
И татарские знамена,
И степей зеленых даль.

Перед битвой я по стану
Пролечу на скакуне,
В синей дали не устану
Лихо мчаться на коне.

Ворон пусть зловещим карком
Смерть пророчит мне в бою –
Косоглазую татарку
Больше жизни полюблю!

Закипела удалая
Кровь татарская в груди,
Радость вольности хмельная
Разметалась по степи.

Эй, зеленые просторы,
Даль некошенных полей,
Братья дедов, реки, горы,
Блеск костров во тьме ночей!

Сын пришел! Встречайте сына
Шумом звонких, сочных трав –
В этом запахе полынном
Я нашел свой буйный нрав!

27–31.03.1944

ПОЭТУ

В тесной и пыльной каморке,
В столах ужасной муки
Петь о бескрайних ветрах,
Видеть сиянье комет.
Перед последним дыханьем
К жизни протянуты руки –
Вот в чем великая радость,
Вот твоя сила, поэт!

Там, где отчаянье смерти,
Видеть улыбку счастья,
Там, где окончились жизни,
Слышать веселый привет.
В души, закрытые злобой,
Влить доброту и участие –
Вот в чем твой долг человека,
В этом призванье, поэт!

27.09.1944

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Он вошел в мохнатом утреннем халате,
У камина сел и трубку набивал, не торопясь...
Мог ли думать я, что в неразрывные объятия
Смерть возьмет того, кто лишь о жизни мог писать!
Дом Союзов. Очередь. Венки у гроба.
Четкий профиль на портьере тяжелой.
Умереть не мог творец живого слова,
Жизнь писавший самой сочной краской.
А у проходящих мимо скорбь на лицах,
Тишина застыла на часах у входа.
Нет, не верю! Умереть не мог,
чеканивший в страницах
Бури восемнадцатого года!
Он пойдет по бесконечной жизни с нами,
Многих пережив, свой путь направит дальше,
Заставляя жить бумагу сильными, как Русь словами,
Отметая хлам литературной фальши.
Он останется, как был, одной России верным,
Разве умер он, учивший жизни беспрестанно,
Звавший к мести в тяжком сорок первом,
Даровавший жизнь Петру и Грозному Ивану.

25.02.1945. Москва

ДЕРЕВНЯ

Извечно будет здесь покой,
И будет дом стоять извечно,
И плакать ива над водой
Не перестанет бесконечно.

В покое сереньких небес
Пройдут года, за летом лето,
Но не изменит шума лес,
И поле не изменит цвета.

И, оглушенный тишиной,
Не знаю плакать иль смеяться —
Под этой кровлей полевой
Мне городские шумы снятся...

30.04.1944. Мосолово

* * *

Некому отдать слова стихов
Новогодней ночью небывалой.
А среди морозов и снегов
Так давно душа любовь искала.

И найду ли в будущем году
На дорогах жизненной метели,
Или снова одинок приду
Под сиянье новогодней ели?

31.12.1944

СНОВА ОСЕНЬ

1

Серенькая осень. Сорок первый год,
Самое начало горя и невзгод.

Деревенской школы непривычный класс,
На столе трепещет и коптит моргас.
И не до ученья в деревенской мгле
Беженцы и слухи в школе и в селе.
Так тревожно время, далеко Москва.
Ни в селе, ни в школе друга не сыскать.
И сижу, скучая, вижу лишь моргас
И не вижу добрых твоих серых глаз.
А когда увидел — жить без них не мог
Средь войны и стужи, горя и тревог.
Ты ушла в ту осень. Я не знал куда:
Может, ненадолго, может, навсегда.
Только каждый вечер ты была со мной
В заснеженной школе, в поле за пургой.

2

Может быть, другую я весной любил,
Но тебя, как осень, в памяти хранил,
Серенькая осень, сорок первый год,
Самое начало горя и невзгод.
Знал, что снова встречу, лишь не знал когда —
Ты пройти не можешь в мире без следа.

3

И настала осень, принесла хлопот –
Я нежданно вспомнил сорок первый год...
В университете, в самый шумный час
Я нашел загадку твоих серых глаз.
Подошел неловко и напомнил Вам
Серенькую осень, дождик по полям,
Деревенской школы непривычный класс,
В тот далекий вечер огонек-моргас.
Ты хотела вспомнить... только не могла –
Столько пережито в черные года...
Может, и не нужно помнить, что прошло,
И не надо помнить то, что вдаль ушло:
Серенькую осень, скучное село.
Мы опять расстались. Ты ушла... куда?
Может, ненадолго? Может, навсегда...

17.09.1944

ПОТОМКАМ

Нет! Не изгладить веками
Память о буднях нашествий,
Гибель великих армий,
Ужас кровавых бедствий!

Люди счастливого мира!
Слушайте наши крики!
Мы – ваша гордость и сила,
Вы нашей славой велики!

Каждая капля крови,
Нами пролитая в битвах,
Плач материнский и вдовий
В наших тревожных молитвах –

В ваших садах заставит
Цвести ярко-красные маки,
Сил вашей жизни прибавит,
Радость засветит во мраке.

Счастье на ваших лицах
Куплено нашей мукой.
За мир в ваших светлых столицах
Мы умирали без звука!

Знали, что счастье близко,
Шли на погибель смело,
Чтобы под солнечным диском
Ваша радость блестела!

Пусть же летит над веками
Память о буднях нашествий!
Нашими скован штыками
Мир без печали и бедствий!

27.09.1944. Москва

ЯНВАРЬ

Затерялась за снежной пылью
Голубая пурга созвездий.
Долгожданное станет былью
В этом вихре грозных возмездий.

Вьется снег январской метели,
Для того чтобы бури стихли.
Мы так долго стужу терпели,
Чтоб увидеть последние вихри.

30.01.1945

МОСКВА

Затуманятся звезды над крышами,
Побегут по мостам огоньки.
Лучше музыки люди не слышали,
Чем безмолвие темной реки –

Потому после дня пустозвонного,
Когда осенью веет земля,
Я спешу с безрассудством влюбленного
К черным башням родного Кремля.

Здесь картины веков неизведанных
Вольной силой и славой живут,
Сотни образов, ночью навеянных
Слов, как пленники, участи ждут...

И в покое блуждающей осени
Пропадают огни на мостах –
Это полчища дикие бросили
Свет костров на речных берегах.

Это блещут доспехи татарские
На холме у подножья Кремля,
Это встали дружины бунтарские,
Иль московские нивы горят?

Или снег заблестел под обрывами?
Или села российские жгут?
По дорогам, под черными ивами
На столицу французы идут?

Нет, из рельс на снегах заграждения
Заблестели под зимней луной –
Это новых врагов наваждение –
Это немцы стоят под Москвой.

Здесь пути на Берлин открываются,
Вот отсюда, от башен Кремля
Сила русских людей поднимается,
Блещет первой победы заря!

Как же мне не любить без волнения
Этих стен, эти точки огней,
Когда здесь вот прошли поколения
Замечательных русских людей!

Не прожить мне ни года, ни месяца,
Не послушав безмолвной реки!
Как влюбленному нужно мне встретиться
И смотреть, и ласкать огоньки!

29.08–08.10.1944. Москва

СОЛДАТ

Это было в утреннем зареве.
По дорогам скрипел мороз,
И распятый иней вздрагивал
На крестах поникших берез.
Покидали город за городом,
Оставляли версту за верстой.
Замерзали села и слободы
На солдатской щеке слезой.
Он не знал, где с врагом повстречается,
И не думал дожить до седин,
Только верил, что войны кончатся,
И конец будет – павший Берлин.
В подмосковных горящих дачах,
Когда в город стучалась смерть,
Знал, и мысли не было слаще:
«Фридрихштрассе так будет гореть!»
Когда край, где, как в церкви, все свято,
Мессершмидты летели бомбить,
Мечь кипела в стволе автомата:
Так же немцам придется пожить!

.....
И заря разгорелась в пламя,
И за Одером стелется дым –
Русский воин идет городами,
За которыми – черный Берлин.

27.02.1945. Москва

В ПЕРЕУЛКЕ

Ага! Я знал, что мы встретимся здесь,
В переулке, и ночью, и в дождь,
Знал давно, что в тебе заклокочет месть
И что буду молить: «Не трожь!»
А ты, прохрипев свою пьяную брань,
Занесешь, как топор, костыль:
– Тыловая, крысиная мать и дрянь, –
Разорвет дождевую пыль.
Но я, прозрев безысходье окоп,
Твой удар, как награду, приму,
Пьяный до черта, калека-циклоп,
Перенесший гору-войну.

18.05.1945

* * *

Мои волосы в книжной пыли,
Их бродяга-ветер не трогал,
Почему же я так полюбил
Незнакомые раньше дороги?

Может, в детстве усталая мать
Рассказала о странствиях деда,
И мальчишкой я начал мечтать
Лишь о том, что никто не изведал.

И поэтом я стал потому,
Что в дорогах нельзя без песни,
И тебя полюбил, как весну,
Чтоб в пути быть с весною вместе.

Много верст через жизнь пролегло —
Все измерены будут шагами.
Я над книгами юность провел,
Чтобы век не расстаться с путями.

07.06.1945

* * *

Ветер пришел ноябрьский –
Крепки морозные мышцы.
Месяца нож дамасский
Согнул упругим серпом.

Последние листья срезал,
Последние травы сгладил,
Расплавил туман над лесом
И город спалил зарей.

Он крепкие мышцы мороза
Ковал на мою погибель
И зорям факелы роздал,
Чтоб сердце мое спалить.

Невежда не знал, что сердце
Давно зажжено весною,
А, значит, в майскую пору
До пепла оно сгорит.

11.11.1945

КАСИМОВ

Минарет, собор, да церкви,
Звон, да крики муэдзинов
И встает из песни старой,
Пестрый, древний град Касимов.

Конь, дракон, дробящий берег,
Шлем пылает жаром стали,
А в глазах костры степные
У святого Шаха-Али.

По Оке проплыли струги,
За рекой в лесах зарницы,
Петр Великий, крест заметив,
Шапку снял перекреститься...

А над градом бусурманский
Серп сиял на минарете —
Царь велит палить из пушек
В полумесяц, по мечети!

Гнев Петра, как гнев аллаха —
Дым рванулся сизым змеем
.....
И теперь мечеть зовется
Краеведческим музеем.

На Оке осколки радуг –
Блестки нефти и бензина,
Там взывают пароходы,
Вместо древних муэдзинов.

Лишь беззубая татарка
У гробницы Шаха-Али
Свой Коран бормочет сонно,
Новых вер не понимает...

Потекут века Окою,
Минут лета, станут зимы,
Ты останешься, как песня,
Пестрый, древний град Касимов!

20.08.1945

* * *

Маленькая девушка
В тесном вагоне
Везла букет черемухи,
Песню весны.
Все мы торопились,
Но каждый понял
Зов еле слышный
Свежей листвы.
В темном лабиринте
Серых тоннелей
Всем загрустилось
О вольных ветрах...
А мимо бетонные
Стены летели –
У маленькой девушки
Букет был в руках...

25.05.1945

* * *

Расправляет ветер крылья.
Вверх и вниз
Одинокие снежинки
Понеслись.

А по городу проходит
День и век –
Жизнь вихрится, суетится,
Взлет и бег.

И снежинки ищут в ветре
Друга друг,
Чтоб плотней задернуть город
В снежный круг.

И любовь приходит к людям
Той порой,
Но не тает, как снежинки,
Вдруг весной.

27.12.1945

* * *

Я живу в непонятном городе,
Он струится старинной готикой.
Затонул в океане времени,
Как корабль, до самого клотика.

Его ночь просмолила дочерна,
И легенды в объятьях стиснули.
Много песен хранит неоконченных,
Много повестей ненаписанных.

Если в море уйти под парусом
Или ночью брести по берегу,
За спиною копьем останется
Четкий облик, огнями смиренный.

Я люблю, когда зори распластаны,
Видеть замок над тесной площадью
И столетия башен пасмурных,
Осененных красным полотнищем.

Авг.–сент. 1946

* * *

Я был в краю,
Где меряют пути,
Не километрами, а днями,
И если песня в душу залетит,
То навсегда вращет в нее корнями.
И будут петь
На трактах шофера
В сибирскую простуженную осень
Такие ж песни,
Что поют ветра,
Когда хотят дожди на землю бросить.
Мотив тягуч,
Как путь среди болот
В осоке звонкой, режущей и грубой.
Лишь песня ширь такую принесет
И, точно хлеб, положит людям в губы.
Узнаешь, если любишь эту ширь,
Ее народ, выносливый и честный:
У песни есть душа,
Ее зовут Сибирь,
А у Сибири душу
Кличут песней.

Новосибирск – Москва. Поезд

* * *

Хорошо историю земли
По названьям станций выучивать,
По вечерним песням вдали,
По кострам на речных излучинах.

Здесь когда-то платили ясак,
И горбатые ветлы плакали,
А теперь – на четверть часа –
Остановка в Ясакове.

Я узнал, проезжая Рязань,
Там, где зори спят покосами,
Почему у милой глаза
Чуть заметной татарской раскосиной.

Январь. 1948

* * *

Скоро будет весна –
По излучинам
Завертелся жернов метели.
Теплый ветер,
Мельник измученный,
Зимний месяц последний мелет.

И туда в бездорожье дальнее,
Где уснули речные истоки,
Вижу: годы идут урожайные
Чередой по снегам глубоким.

Лед ломает с размаха молотом
Молодая весенняя сила.
Под сугробами залежи золота
В изумрудной руде озимых.

15.03.1947

* * *

Сибирские дожди на сотни километров
Навесили намокшее крыло.
Запутались в степях косые ветры,
Метлой дождей ударило в стекло.
Сидеть и слушать, как ворчит спросонья
Чугун копченный в жарком очаге,
Как ветер песни пасмурные стонет
И бродит дождик на одной ноге...

О, этот дождь, слепой и одноногий!
Прохожих поджидает за углом.
Ему подвластны долгие дороги
И каждый день, и каждый час, и дом.
Наверно, так, неслышная для слуха,
Невидимые четки теребя,
Приходит осень – серая старуха
В сибирской шали ветра и дождя...

10.08.1947. Алтай

* * *

Ночь просыпала в небо
Светлой пшеницы мешок,
И падают зерна хлеба
Светлой звездой в лог.

Много веков неустанно,
Презрев города и дворцы,
Питались этой манной
Поэты и мудрецы.

А мне каждой ночью снится
И видится каждым днем
Усатый стебель пшеницы,
Завязший в крутой чернозем.

10.08.1947. Алтай

* * *

Над лужами – фонарные круги,
У пресных капель стал весенним вкус.
Уж сколько весен ты идешь с другим,
А я с другой тебя забыть боюсь.

И помнится: раскосая капель
И фонаря полужакрытый глаз...
Вот только детства нет со мной теперь,
И ты с другим встречаешь этот час.

04.02.1946

* * *

Моя судьба –
Идти навстречу ветру
Февральской ночью,
Белой от луны.
Как хорошо, что песни недопеты,
И мне всегда сопутствовать должны!
Косматую, упрямую стихию
Своим плечом
Я побороть могу.
Пусть останутся в полях
следы большие,
Вплетенные в пургу.
А если ветер
Ночью замурует
Весь путь по бездорожью,
сквозь метель.
Не мне жалеть:
Я радость знал такую,
Какой никто увидеть не сумел!

05.02.1947

* * *

Леса проржавели насквозь
От сырости осенней,
И вспыхнула за гроздью гроздь
В рябиннике вечером.

Ночная светится вода
В озерах звездооких.
Нам всем в туманах пропадать,
Искать свои дороги.

Но все равно одним узлом
Сплетаются все тропы,
Мы по одной земле идем,
С одной большой заботой.

Мутнеет день вдали равнин,
Речные глохнут всплески,
А нам пылать костром рябин
У ржавых перелесков.

07.08.1946

ИЗ HEINE

Посвящается Э. С.

Все мучить меня старались
И злили наперебой
Одни своей любовью,
Другие своей враждой.

Они давали мне яду
Со всем: с питьем и едой.
Одни своей любовью,
Другие своей враждой.

Но ты, что всех больше мучишь,
Всех больше несешь беды,
Ты вовсе меня не любишь,
Не знаешь ко мне вражды.

05.08.1947. Алтай

* * *

Если человеку двадцать лет –
Значит, жизни – непочатый край.
Можешь встать у изголовья рек
И смотреть, как непокорен май.

Можешь слушать, как поют ручьи,
Охватив руками шар земной,
Как уверенно в груди стучит
Сердце, переполнено весной.

Есть простая мудрость на земле,
Для тебя ее народ хранил:
Счастье лишь тому покажет след,
Кто в работе не жалеет сил.

07.03.1947. Москва

* * *

Дождь по мокрой дороге прошел,
Да упала звезда в колесник.
Потому на душе хорошо,
Что путями я меряю дни.

Грусть и радость слились на губах,
Точно пресные капли дождя,
Улыбается осень в садах,
Нарядилась невеста моя.

Все дороги с улыбкой пройду,
Буду видеть сквозь дождь и метель
Желтых листьев твоих чехарду,
Тонких веток твоих канитель.

Эту радость осенних полей,
Эту грусть паутины степной
Подниму на дороге своей,
Далеко унесу за собой.

1946

* * *

В эту ночь не верится,
Что меня ты любишь:
Белая метелица
По дороге кружит.

Ей веселье дикое
По лесам беленым
Обнимать высокие
Стонущие клены.

Улетит и скроется
Вдали, завывая.
Кленам долго помнится
Ласка снеговая.

11.05.1947. Москва

* * *

Теперь я все научился ценить:
И соль, и огонь, и хлеб.
Далеко захлестнулась дорог моих нить
За горы, леса и степь.
Я все решил в этой жизни узнать,
Мне покой не гош и не мил.
Полюбил, как колеса в равнинах стучат,
Как горька дорожная пыль.
Услышал сквозь дали звонкую медь,
Прочитал в книге судеб:
Самое важное в жизни – уметь
Ценить соль, огонь и хлеб.

10.08.1947

* * *

В улицах осень пьяная,
В улицах листья сбитые.
Ищет меня нежданная,
Радость моя забытая.

Где же с тобою встретимся?
Как же с тобою свидимся?
В улицах ветер плещется,
На небе север искрится.

А у тебя июньские
Руки, как вечер, теплые...
Лает ветер науськанный
В улицы, бурей стертые!

Ведь у нас, как лунные,
Волосы ночью светятся,
Где в эту ночь чугунную,
Как мне с тобою встретиться?

И почему без разума,
Осень приходит пьяная?
Весело мне несказанно,
Радость моя нежданная!

07.08.1946

* * *

В голубое mareво ржи
Сходит солнце для сна непробудного.
Я люблю эту грубую жизнь,
Эту землю, большую и трудную.

Над рекой – кудлатый костер.
Ветер дышит запахом рыбы.
Точно сонный сом, разговор
Заворочался под обрывом.

Невод свесился у реки.
Днем в его распростертые руки
Билось звонкое сердце Оки
Серебреным лещом и щукой.

Мне бы эту реку обнять.
Я хочу ее песни помнить,
Чтобы век ударяли звеня,
Ее воды в мои ладони.

11.01.1947

* * *

Im Walde wand lich und weine...
Heine

Я по лесу брел и плакал
А дрозд на вершине сидя,
Спросил меня очень нежно:
«Кто тебя, друг, обидел?» –

«Ласточки-сестры, знают,
Они рассказали б тебе –
Они свили, хитрые гнезда
У милой, в самом окне».

14.02.1946

Содержание

Об авторе	5
I. Ковчег.....	7
Был дом, как елочный фонарь... ..	8
НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ НИТЬ.....	9
КТО ОН?.....	10
Все шатко... ..	11
ПОСЛЕДНЯЯ РАДОСТЬ	12
ЗАПОЗДАЛОЕ СООБРАЖЕНИЕ	13
Где только можно опоздать... ..	14
ЗНАЮ ВАС, НЕВЕДОМЫХ... ..	15
Я вылетел в трубу... ..	16
Беседую с другом сквозь толщу времен... ..	17
Наивны были мы и пылки... ..	18
ТАБЛЕТКИ РАВНОДУШЬЯ	19
ВЫВОД	20
ДУША	21
ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ	22
ЛИЦА	23
СЕСТРА ОКЕАНА	24
Жизнь человека – это сад... ..	25
Он сторожит арбузы... ..	26
НАСЕЛЬНИКИ ГЛИНЯНЫХ КОРЧАГ... ..	27
С шести утра продажа водки... ..	28
ПАМЯТНИК ПОЭТУ	29
Повадки стариков... ..	30
ТЕБЕ О ТЮИЛЬРИ	31
ПАМЯТНИК	32
КОВЧЕГ	33
Красою чуткою чиста... ..	34
II. Влюбленность	35
В эту ночь, что черна и бела... ..	36
Хочу стать кувшином... ..	37
ЧУДО	38

Стать дурочкой.....	39
ТАИНСТВО ПЛОТИ	40
Не берегут любимых, не щадят.. ..	42
Ярость солнца азийского... ..	43
НАИТЬЕ	44
III. Святыни	45
ИЗБА	46
СОБОР	48
IV. Листья	53
А знаешь... ..	54
Отцвел багульник... ..	55
ДЕКАБРЬ	56
НЕВОЗВРАТИМЫ	57
Обрывок моря: чайка, яхты... ..	58
КАРТИНА ДЕКАБРЯ	59
ЧТО ДОСТАЛОСЬ.....	60
РЯБИНОВЫЙ ПРАЗДНИК	61
САД	62
ОВРАЖНЫЕ ТАЙНЫ	63
Богатство скудности родной... ..	64
ШАХМАТОВО	65
СЕЛЕНА	66
МОТИВ СЕНТЯБРЯ	67
РИСУНОК И ПЕСНЯ ВЕСНЫ	68
Никак листвою не разродятся... ..	69
Слиток января – осенний парк... ..	70
Чем весной мне тебя улещить?.. ..	71
МЕТЕЛЬНОЕ	72
ЭТОТ ЗВЕРЬ, ЧТО ПРЕСЛЕДУЕТ ОСЕНЬ	73
РАЗНОКРЫЛОСТЬ	74
ВЕЛИКИЙ ХОЛОД	75
В ювелирной лавке осени... ..	76
СОН О ПТИЦЕ	77
Деревьев почерк... ..	78

Осенняя морская синь...	79
ПОДВИЖНИКИ	80
Начало перед концом...	81
ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК	82
Накрывшись в непогодь рогожей...	83
ОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНИЗМА	84
В МЕТРО	85
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ	86
В БАНЕ	87
ОФИГЕННЫЙ ПОФИГИЗМ	88
УМУЧЕННАЯ РУСЬ	89
Комедиант ломал комедию...	90
Стихи военных лет. Из юношеских стихов	91
НА ПОДНОЖКЕ	92
НОЯБРЬ 1943 ГОДА	93
ПОЧЕМУ?.....	94
Флегматичная кошка в старом дедовском доме...	95
ПОТОМОК ВОЙНЫ	96
ВЕСТЬ	98
ВЕСНОЙ	99
ГРАНИТ	100
РАЗДУМЬЕ	101
БУДУЩЕЕ	102
НОЧЬ	103
ПОДРАЖАНИЕ ГЕЙНЕ	104
ЗАПАД	105
ПОСЛЕДНЕЕ	106
ВОЙНА	107
ПЕРВЫЕ МЫСЛИ О ГОРОДЕ	108
ПОХОД	110
Я люблю широких улиц...	111
ПОТОМОК	112
ПОЭТУ	114
АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ	115

ДЕРЕВНЯ	116
Некому отдать слова стихов...	117
СНОВА ОСЕНЬ	118
ПОТОМКАМ	120
ЯНВАРЬ	121
МОСКВА	122
СОЛДАТ	124
В ПЕРЕУЛКЕ	125
Мои волосы в книжной пыли...	126
Ветер пришел ноябрьский...	127
КАСИМОВ	128
Маленькая девушка...	130
Расправляет ветер крылья...	131
Я живу в непонятном городе...	132
Я был в краю...	133
Хорошо историю земли...	134
Скоро будет весна...	135
Сибирские дожди на сотни километров...	136
Ночь просыпала в небо...	137
Над лужами – фонарные круги...	138
Моя судьба...	139
Леса проржавели насквозь...	140
ИЗ HEINE	141
Если человеку двадцать лет...	142
Дождь по мокрой дороге прошел...	143
В эту ночь не верится...	144
Теперь я все научился ценить...	145
На улицах осень пьяная...	146
В голубое марево ржи...	147
Я по лесу брел и плакал...	148

Николай Димчевский
Сон о птице
сборник стихов

Художественное оформление *Нина Рассадина*
Корректор *Татьяна Зорина*
Фонд имени Н. В. Димчевского

Формат 70х100/32. Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии Супервэйв Групп

Приглашаем читателей посетить сайт
Николая Димчевского

dimchevsky.su

[vk.dimchevsky](https://vk.com/dimchevsky)

Книги Николая Димчевского
можно заказать на сайте
или по телефону: +7 (921) 355-96-48